

М.С.Перевозчиков

Левопопулистский режим — спасение или болезнь демократии? Опыт Боливии

В работе рассматривается развитие политических режимов в Латинской Америке на современном этапе. Для оценки его характера автор обращается к теории популизма, доказывая, что традиционное понимание этого понятия не отражает сути существующих популистских режимов и ведет к неправильному восприятию взаимосвязи между популизмом и демократией. Рассматривается текущее состояние левопопулистского режима Боливии и то, как президент Эво Моралес изменил политическую систему страны.

Ключевые слова: левый поворот, политический режим, популизм, демократия, Боливия, Моралес.

Концепция «демократических волн» известного американского политолога Самюэля Хантингтона гласит, что за каждой волной демократизации следует откат к авторитарности. Можно предположить, что рост числа популистских лидеров и партий в Европе, США и Латинской Америке является признаком отката после третьей волны. Однако такое традиционное понимание популизма как чего-то негативного в отношении развития демократии приводит к неправильному восприятию популистского движения, в то время как оно вполне может стать и по-

мощником в деле избавления от недостатков либерально-демократического режима, имманентно в нем заложенных. Подробное исследование феномена популизма необходимо для более ясного понимания общественных процессов, приводящих к возникновению популистских движений.

Михаил Сергеевич Перевозчиков — студент 4-го курса Санкт-Петербургского государственного университета (sv200466@gmail.com).

Статья заняла первое место в конкурсе молодых исследователей, прошедшем в рамках Третьего международного форума «Россия и Иберо-Америка в глобализирующемся мире: история и современность», который состоялся в Санкт-Петербурге в октябре 2017 г.

«ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ» В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Массовые электоральные победы левых партий и их кандидатов на выборах в Латинской Америке в начале текущего столетия и совокупность изменений, последовавших в результате нахождения левых у власти, в академической среде получили название «левый поворот»². Одновременные победы левых в странах с различными политическими системами и культурой, различным уровнем экономического развития позволили предположить, что каждый отдельный их успех в несходных условиях можно уложить в единый политический контекст.

Сложность теоретического анализа начинается с определения понятия «левый». В Латинской Америке с ее причудливой исторической смесью радикального левого революционизма, популизма, каудильизма и слабостью формальных политических институтов невозможно четко выстроить единую академически выверенную схему политических движений, партий и лидеров. К этому добавляется различное отношение «левых» правительств к методам и способам осуществления власти: достаточно сравнить политику «левого» правительства Чили с политикой «левого» правительства Венесуэлы.

В первую очередь важно само по себе использование термина «левый» в повседневной политической практике. В современной Латинской Америке принято говорить о «новых левых», отличающихся от традиционных «левых» более либеральными взглядами на свободный рынок, капитализм и демократию. Парагвайский исследователь Бенджамин Ардити предлагает два набора критериев для идентификации современных левых — теоретический и практический³. В теоретический набор входит их самопредставление о собственном политическом назначении и методах деятельности. «Новым левым» ближе идеи европейской социал-демократии, исходящие из посыла Великой французской революции, — свобода, равенство, солидарность (вместо некорректного с современной точки зрения братства). Неравенство понимается как причина зависимости и подчиненности, стоящих на пути к полному равенству. В практическом плане левые партии и движения в большинстве своем отошли от революционности и принимают электоральные способы прихода к власти, что подразумевает большую прагматичность в отношении к изменениям внешней среды. Практический набор идентификации включает также отход «новых левых» от понимания политики как игры с нулевой суммой, готовность к взаимодействию с центристскими партиями, приятие свободного рынка. Сохраняется некоторая враждебность по отношению к США, однако во многом такой подход основывается не на принципиальном антикапитализме, а на стремлении изменить экономическую модель взаимоотношений в регионе.

Среди «левых» также необходимо провести внутреннее разделение, поскольку использование такого широкого термина подразумевает широту коннотаций, мешающую точному анализу. Американские политологи Стивен Левитски и Кеннет Робертс приводят некоторые варианты классификации левых: «правильные» и «неправильные», социал-демократы и популисты, умеренные и радикальные, вегетарианцы и плотоядные⁴... Наиболее известная бинарная схема «хорошие левые» vs «плохие левые» выведена мексиканским исследователем Хорхе Кастаньедой. Данная нормативная типология восхваляет «правильных», современных, демократических,

ответственных и склонных к рыночной экономике левых, таких, например, как в Чили и Уругвае, и критикует «неправильных», отсталых, «авторитарных и беспечных популистов», таких, как бывшие президенты Венесуэлы, Перу и Аргентины Уго Чавес Фриас (1999—2013), Ольянта Умала (2011—2016) и Нестор Киришнер (2003—2007) соответственно⁵. Такая схема является не только поверхностной, но и не учитывает «мелкие детали» левого движения, представляет собой рационально-либеральный вариант типологии, неосмотрительно присваивающий ярлык популизма всем «неправильным» левым партиям и объединениям.

В данной работе предпочтение отдается разделению латиноамериканских левых режимов на две группы — популистские и институциональные.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОПУЛИЗМ»

Наиболее распространенное на данный момент определение популизма дал голландский политолог Кэс Магд: «Популизм — это подвижная идеология, рассматривающая общество как систему, разделенную на две части — «честных людей» и «коррупцированную элиту»»⁶. Дифференциация народа и элиты — основа любого популизма. Третьим ключевым элементом популистской схемы считается «народная воля»: постоянная апелляция к ней, стремление к установлению политических институтов, ее выражающих. Популистские лидеры не верят в способность институтов представительной демократии находиться в непрерывной связи с гражданами.

В современном политическом дискурсе доминирует либеральный подход к пониманию популизма. Часто популизм рассматривается как «недостаток» или «болезнь» демократии. В моменты политического, экономического кризиса приходится слышать о популистах, которые манипулируют народными массами с целью завоевания всеобщего уважения и победы на выборах. Такой подход в значительной степени сформировался под влиянием идей элитарной демократии, в которой инструменты прямой демократии ставятся под сомнение из-за опасности тирании большинства над меньшинством. Такие опасения высказывал один из отцов-основателей США Александр Гамильтон⁷. Американский политолог Сеймур Липсет, исследуя фашизм, писал о существовании популизма в любом обществе и подчеркивал, что во время политических кризисов даже средний класс склонен поддерживать радикальные течения⁸.

Радикальный подход рассматривает популизм как неотъемлемую часть демократического государственного устройства, призванную решить проблемы, которые изначально заложены в либеральных демократиях⁹. Чилийский политолог Кристоаль Кальтвассер, например, выделяет две дилеммы демократии¹⁰. Во-первых, либеральная демократия не дает ответа на вопрос, кто же составляет «нацию» или «народ», являющийся источником суверенитета согласно общепринятым либеральным нормам. Обычно нормативный подход определяет нацию границами национальных государств, т.е. как изначальную данность. Однако вся история Европы после Средневековья является периодом рождения не только национальных государств, но и наций. Таким образом, молодые демократии должны решить проблему выявления «нации», желательно не прибегая к способам — зачастую насильственным, — характерным для Европы¹¹. В этом случае популизм

идет путем включения (или исключения) в политический процесс различных этнических, социальных групп, способствует рождению народа как источника власти. Во-вторых, отмечается проблема внутреннего контроля в демократиях. Нормативные модели предполагают, что такие категории, как судебная власть или конституция, являются а priori беспристрастными механизмами, входящими в систему сдержек и противовесов. Тем не менее зачастую судебная власть подпадает под влияние других ветвей власти, а процесс принятия конституции является результатом торга заинтересованных групп. В данной ситуации популизм стремится к имплементации методов партиципаторной демократии: активному использованию референдумов, конституционных ассамблей, введению выборных должностей.

Классиком развития теории популизма является аргентинский философ Эрнесто Лаклау. Ему принадлежит теория радикализации демократии как способа сохранения идентичности левых. Вслед за французским философом Луи Альтюссером Э.Лаклау отвергал идеи экономического детерминизма и классовой борьбы Карла Маркса. Он считал, что вместо этого современным левым необходимо принять более широкие рамки борьбы с гегемонией элит. В данном случае Лаклау опирается на концепт «культурной гегемонии» итальянского философа Антонио Грамши, согласно которому для поддержания существующего порядка элиты используют не только политические или экономические инструменты, но и совокупность культурных практик, в рамках которых и идет бесплодная борьба коммунистов и рабочего класса. Для преодоления гегемонии следует объединить усилия всех движений — гендерных, антикапиталистических, экологических, антиколониальных, а не ограничиваться лишь классовой борьбой¹². Согласно Лаклау, обществу необходима некая грань, разделяющая внутреннее и внешнее для обретения идентичности. Эту роль, воплощающую отдельные запросы людей, играет популизм. Его задача стать «пустым означающим», которое вместит все политические требования общества. Чем шире будет программа (например, «Мир! Земля! Хлеб!») популистского движения, тем более широкий набор требований оно охватит. Следование широкой программе позволит разбить цепи авторитарной гегемонии, введя практики демократической гегемонии, подразумевающей равенство всех социальных сил¹³. Таким образом, популизм является механизмом исправления демократии, а отнюдь не ее болезнью.

ЛЕВОПОПУЛИСТСКИЙ РЕЖИМ В БОЛИВИИ

Несмотря на широкую распространенность элементов популизма в Латинской Америке, для анализа предлагается рассмотреть лишь одну страну — Боливию. Во-первых, она — пример настоящего популистского режима радикальной демократии, родившегося благодаря общественным движениям. Во-вторых, популистский режим способствовал развитию экономики этой страны, а также снижению социального неравенства. В-третьих, боливийский популизм существует не только по линии народ — элита, но и по линии метисы — креолы. Данные характеристики позволяют обратить внимание на опыт Боливии как на показательный.

В 1980–2005 гг. Боливия следовала неолиберальной модели, которая не пользовалась популярностью в обществе¹⁴. С конца 80-х годов начинали

возникать отдельные крестьянские и индейские движения. Наиболее серьезным ударом по неолиберальной модели стал газовый кризис 2003 г., связанный с желанием боливийского правительства получить прибыль от торговли газом с Чили — государством, с которым Боливия находится в состоянии территориального спора. Смесь уязвленной национальной гордости и социального недовольства вывела людей на улицы. По мере эскалации кризиса требования различных групп — индейских, крестьянских, рабочих, городских — консолидировались. Роль общего знаменателя сыграло массовое объединение, ставшее партией Движение к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*). Боливийский социолог Роберто Ласерна впоследствии выделил три составляющие движения: индихеанизм, развивающийся левый курс и популизм¹⁵. Согласно теории уже упоминавшегося Лаклау, произошло слияние запросов различных социальных групп, которые стали воспринимать себя как единое целое, самоотстранившись от государства и элит, не желающих удовлетворять интересы народа. После жестокого подавления протестов оппозиция сформировала так называемую «повестку октября», требуя отставки президента, национализации газовой отрасли, наказания чиновников, ответственных за гибель демонстрантов, принятия новой конституции. В итоге президент Санчес де Лосада (2002—2003) покинул свой пост, на выборах 2005 г. победил кандидат от партии MAS Эво Моралес Айма (2005 — н/вр), а поддерживавшие первого в Боливии президента-индейца силы добились большинства в обеих палатах парламента¹⁶.

Некоторые специалисты считают, что деятельность президента Моралеса способствует переходу Боливии к постлиберальной демократии¹⁷. Британский исследователь Дэвид Беггс, подчеркивая имманентную дилемму либеральной демократии — противоречие между индивидуальными правами и суверенитетом нации, называет постлиберальную демократию промежуточной моделью между либерализмом и коммунитаризмом¹⁸. Примиряя автономию отдельных индивидов с моральной властью отдельных групп, постлиберальная демократия выходит за рамки традиционной либеральной модели общества, при этом не стремясь окончательно с ней распрощаться. Пример Боливии подтверждает такое положение вещей. Несмотря на двойную популистскую риторику Моралеса, позиционировавшего себя не только как лидера нации в целом, но и как лидера метисов, в Конституции, принятой Многонациональной законодательной ассамблеей в 2009 г., не закреплено ни ущемление прав элит, ни подтверждение особой роли индейцев или метисов. Популизм Моралеса не ломает систему либеральной демократии, а лишь улучшает ее.

Тем не менее современная Боливия, очевидно, не является идеальной моделью. В феврале 2016 г. Моралес проиграл референдум по вопросу изменения конституции, согласно которому действующий президент имел бы право участвовать в выборах 2019 г. Согласно данным опроса, проведенного в январе 2017 г., Моралес пользовался поддержкой 58% граждан, однако лишь 34% желали видеть его на посту президента еще один срок¹⁹. В чем же причина падения популярности президента, под руководством которого Боливия добилась рекордного роста ВВП и максимального снижения уровня бедности за всю историю страны? Падение цен на минеральные ресурсы и газ является наиболее очевидным объяснением, однако, вряд ли исчерпывающим.

Моралес подвергается критике как справа, так и слева. С первого президентского срока население агропромышленных районов так называемых департаментов полумесяца проявляло недовольство намерениями нового президента национализировать добычу природных ресурсов и ограничить владение крупными земельными участками. В 2008—2009 гг. конфликт вылился в открытое противостояние мятежных департаментов и центрального правительства. Моралесу пришлось пойти на уступки, чтобы остановить конфликт, угрожавший замедлить поступательное развитие экономики Боливии. В 2010 г. был принят Закон об автономиях и децентрализации, регламентирующий права регионов²⁰.

В последнее время все чаще слышна критика деятельности президента с левого фланга²¹. Одним из главных поводов стало строительство государственной дороги через национальный парк, являющийся территорией исконного проживания некоторых индейских племен. Кроме того, все активнее становятся акции протестов, организуемые индейскими организациями и профсоюзами — бывшими сторонниками Моралеса. Данные конфликт наглядно показал наличие нерешенных проблем даже внутри лагеря левых сил в Боливии²².

Для объяснения сложившейся ситуации целесообразно обратиться к понятию «полиархия». Согласно мнению американского политолога Роберта Даля, «полиархия» является моделью идеального государства, в котором массовое политическое участие совпадает с высокой соревновательностью системы²³. Режим в Боливии до 2005 г. характеризовался достаточно стабильным уровнем соревновательности, однако очень низким уровнем участия граждан в политике. Политика Моралеса увеличила уровень политического участия, уровень соревновательности же остался в рамках средних значений. Сложилась система, в которой многие элементы постлиберальной демократии оказались малоэффективными вследствие стремления руководства контролировать политические процессы в стране. В такой ситуации требования общественных движений и групп перестают удовлетворяться, что приводит к падению популярности президента²⁴. В обществе нарастает чувство потери связи с лидером. Характерна цитата из интервью участника шахтерских протестов в 2016 г.: «Если кто и должен был понять нас, так это Эво Моралес. Не так давно президент был одним из нас»²⁵.

В данной статье рассматривается текущее левопопулистское политическое устройство Боливии, являющееся одним из элементов установившейся системы левых режимов в Латинской Америке, через призму радикально-демократического подхода. Популизм предстает в таком контексте движением к установлению «правильной» демократии. Основными причинами возникновения популистских режимов практически во всех странах мира являются кризисы. Зачастую популизм может принимать самые разные идеологические формы, поскольку он не является большой и самостоятельной идеологией, способной существовать независимо от иных систем²⁶. В целом жизнеспособность популистских режимов зависит от того, на каком этапе демократического транзита находится государство. На начальном этапе демократизации — либерализации — популизм оказывает положительное влияние, призывая людей к осознанному демократическому выбору политической системы. На конечном этапе — углублении демократии — популизм уже оказывает скорее негативный эффект, поскольку

ку не дает сформироваться институциональным формам представительства и редко повышает политическую сознательность граждан²⁷.

Боливия на данный момент находится на стадии либерализации. И ее дальнейшее политическое развитие во многом будет зависеть от характера политики президента Моралеса: установится ли в стране такой же полуавторитарный популистский режим, как в Венесуэле, или Боливия продолжит двигаться в сторону консолидированной и, возможно, постлиберальной демократии. Наиболее интересен вопрос о том, могут ли популизм и либеральная демократия мирно сосуществовать и дополнять друг друга, или для этого требуется преобразование одного или другого в нечто новое? Теоретически популизм и демократия имеют гораздо больше точек соприкосновения, нежели популизм и авторитаризм. Однако опыт Боливии показывает, что популистский лидер, придя к власти на волне усиления локальных движений, с одной стороны, способен осуществлять демократические реформы, способствуя удовлетворению интересов граждан, а с другой — замедлять процесс демократизации, что может привести к установлению популистского авторитаризма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ B. A r d i t i. Arguments about the left turns in Latin America: A post-liberal politics? — *Latin American Research Review*, N43(3), p. 59–81.

² Подробнее см.: В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Латинская Америка: Правый шторм для левого поворота. — *Вестник РУДН, серия Международные отношения*, декабрь 2015, том 15, No 4. с. 24–55 [V.L.Jeifets, L.S.Jeifets. Pravyi shtorm dlia levogo povorota] [The Right-Wing Storm for the Left-Wing Turn]. *Vestnik RUDN, seria Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2015, Vol. 15, N4. p. 24–55.]

³ B. A r d i t i. Arguments about the left turns in Latin America: A post-liberal politics? — *Latin American Research Review*, N43(3), p. 59–81.

⁴ S. L e v i t s k y, K. R o b e r t s. Introduction: Latin America's "Left Turn": A Framework for Analysis / S. Levitsky, K. Roberts *The Resurgence of the Latin American Left*, 2011, p. 5.

⁵ G. C a s t a ñ e d a. Latin America's Left Turn. *Foreign Affairs*. — Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/south-america/2006-05-01/latin-americas-left-turn> (accessed 10.03.2017).

⁶ C. M u d d e, C. K a l t w a s s e r. *Populism. A very short introduction*. Oxford University Press, 2017, p. 21.

⁷ *The Federalist Papers: N68*. Yale Law School — Available at: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/fed68.asp (accessed 17.03.2017)

⁸ S. M. L i p s e t. *Political Man. The Social Bases of Politics*. Garden City: Doubleday, 1960, p. 488.

⁹ C. K a l t w a s s e r. The ambivalence of populism: threat and corrective for democracy. — *Democratization*, N19(2), p. 184–208.

¹⁰ C. K a l t w a s s e r. The Responses of Populism to Dahl's Democratic Dilemmas. — *Political studies*, N 62, 2014, p. 470–487.

¹¹ О.Б.Варенцова. Постмарксистский политический проект и левый популизм. — *Политическая наука*, 2013, N4, с. 134–145. [O.B.Varentsova. Postmarksistskii politicheskii proekt i levyi populism] [Post-marxist political project and the left turn]. *Politicheskaya nauka*. 2013, N4, p. 134–145.

¹² E. L a c l a u. *On populist reason*. New York, 2005, p. 109.

¹³ *Ibidem*.

¹⁴ Е.А.Ларин, А.А.Щелчков. История Боливии с древнейших времен до начала XXI в. М., Наука, 2015. [Larin E. A., Shchelchikov A. A. *Istoriya Bolivii s drevneishikh vremen do nachala XXI v*] [The history of Bolivia from ancient times to the beginning of the XXI century]. М., Nauka, 2015.

¹⁵ R. L a s e r n a. Mire, la democracia Boliviana, en los hechos... — *Latin American Research Review*, Vol. 45, p. 27–58.

¹⁶ В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. «Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция? – Латинская Америка. 2010, №6, с. 8–20. [V.L.Jeifets, L.S.Jeifets. «Pravyy povorot» v Latinskoi Amerike: sluchainost' ili tendentsiya?】 [“Right turn” in Latin America: an accident or a trend?】 Latinskaya Amerika. 2010, №6, p. 8–20.

¹⁷ В.Ардити. Op. cit., p. 59–81., J.Wolf. Towards Post-Liberal Democracy in Latin America? A Conceptual Framework Applied to Bolivia. — Journal of Latin American Studies, N45(1), p. 31–59.

¹⁸ D.Begg. Postliberal Theory. — Ethical Theory and Moral Practice, N12(3), p. 219–234.

¹⁹ El 58% aprueba la gestión de Evo; pero el 63% rechaza la reelección. — Available at: <http://www.eldeber.com.bo/septimodia/El-58-aprueba-la-gestion-de-Evo-pero-el-63-rechaza-la-reeleccion-20170121-0003.html> (Accessed 12.06.2017).

²⁰ Т.А.Воротникова. Десять лет спустя: как изменилась Боливия при Эво Моралесе. – Свободная мысль, 2016, №6(1066), с. 125–136. [T.A.Vorotnikova. Desyat' let spustya: kak izmenilas' Boliviya pri Evo Moralese] [Ten years later: how Bolivia changed under Evo Moralez]. – Svobodnaya mysl', 2016, №6(1066), p. 125–136.]

²¹ V.L.Jeifets, L.S.Jeifets. Particularidades y perspectivas del resurgimiento del “fénix de la derecha” en América Latina. — Iberoamérica, 2016, N3, p. 34–60.

²² З.В.Ивановский. Социальные и политические конфликты в Латинской Америке. – Латинская Америка, 2016, №4, с. 5–24. [Z.V.Ivanovskii. Sotsial'nye i politicheskie konflikt'y v Latinskoi Amerike] [Social political conflicts in Latin America]. Latinskaya Amerika, 2016, №4, p. 5–24.

²³ Р.Даль. Введение в теорию демократии. СП Квадрат. 1992, с. 138. [R.Dal'. Vvedenie v teoriyu demokratii] [Introduction in democracy theory]. SP Kvadrat. 1992, p. 138.]

²⁴ Bolivia: cae aprobación de Evo Morales por escándalo de tráfico de influencias La Tercera. — Available at: <http://www.latercera.com/noticia/bolivia-cae-aprobacion-de-evo-morales-por-escandalo-de-trafico-de-influencias/> (Accessed 12.03.2017).

²⁵ Bolivia's Desperate Miners Are Doing Desperate Things — Like Murder. Bloomberg. — Available at: <https://www.bloomberg.com/news/features/2017-03-02/bolivia-s-desperate-miners-are-doing-desperate-things-like-murder> (Accessed 07.03.2017).

²⁶ B.Stanley. The thin ideology of populism. — Journal of Political Ideologies, No 13(2), p. 95–110.

²⁷ J.Collins. New Left Experiences in Bolivia and Ecuador and the Challenge to Theories of Populism. — Journal of Latin American Studies, N46(2), p. 59–86.

Mikhail S.Perevozchikov (sv200466@gmail.com)

4th-year student of Saint Petersburg University

Left-wing populist regime — salvation or illness of democracy? The case of Bolivia

Abstract. Present paper investigates development of political regimes in Latin America on the modern stage. For explaining of political processes in the region, author refers to the theory of populism, arguing that traditional comprehension of populism does not reflect essence of modern populist regimes and leads to misperception of interrelations of populism and democracy. The present condition of left-wing populist regime in Bolivia is examined as well as how populist president Evo Morales has altered political system of the state.

Key words: left turn, political regime, democracy, populism, Bolivia, Morales.